

Поступление в академию

Три дня спустя Государева академия объявила список студентов, отобранных для обучения в Высшей школе. Имя Сюй Чуня красовалось в этом списке.

Вся резиденция князя Цзин наполнилась радостным оживлением. Госпожа Шэн, вне себя от счастья, распорядилась выдать всем слугам двойное месячное жалованье и заказала для Сюй Чуня новую одежду.

Даже князь Цзин, под предлогом того, что друзья поздравляют его и нужно отплатить им угощением, выпросил у жены денег и отправился на пир.

Сюй Чунь чувствовал себя немного неловко, но, видя искреннюю радость матери, смирился с примеркой новой одежды и даже устроил небольшой приём для своих братьев и сестёр.

Сюй Гу, который в последние дни был полностью поглощён подготовкой к экзаменам, тоже пришёл его поздравить. Обычно они с братом общались мало, но сегодня он специально поднял за Сюй Чуня три чаши вина и осушил их до дна.

Сюй Вэй, Сюй Жун и другие тоже поздравили его. Позже Сюй Гу нашёл возможность поговорить с Сюй Чунем наедине.

— В тот день я пожаловался на тебя бабушке. Ты, наверное, всё ещё сердишься на меня?

Сюй Чунь удивился. Этот старший брат всегда держался от него на расстоянии, а тут вдруг донёс на него, изменив своей обычной манере держаться в стороне. Это было странно. А теперь он ещё и извиняется с таким видом, будто они близки. Ещё страннее.

— Старший брат, не нужно извиняться, — сказал он. — Это я вёл себя легкомысленно, навлёк на себя гнев цензора-инспектора и сановников, и из-за меня пострадала и твоя репутация. Тебе пришлось выслушивать упрёки.

— Если ты так думаешь, значит, всё-таки затаил обиду, — горько усмехнулся Сюй Гу.

Сюй Чунь смутился.

— Старший брат, у тебя скоро весенние экзамены. Твой талант всем известен, и тебя, несомненно, ждёт блестящая карьера. А я по неосторожности связался с императорским кланом, тратил деньги без счёта и навлёк на себя гнев цензора-инспектора. Ты всегда дорожил своим добрым именем и стремился к знаниям, так что твоё недовольство вполне понятно. Я не

обижаюсь. Это я поступил неосмотрительно, доставил тебе хлопот и не принёс славы нашей резиденции. Но я всё равно не гожусь для учёбы. Будущее резиденции Цзин зависит от тебя.

Сюй Гу поднял глаза. Взгляд Сюй Чуня, чьи глаза были круглыми и блестящими, как жемчужины, был искренным. Неужели он действительно так думает? У Сюй Гу перехватило горло.

— Второй брат, — с трудом выговорил он, — я виноват перед тобой и перед матушкой.

— В будущем... если я смогу сдать экзамены, я обязательно отплачу вам.

Сюй Чунь недоумённо смотрел на него.

— Я лишь хочу, чтобы ты исправился и взялся за учёбу, — продолжил Сюй Гу. — Я помню, раньше ты не так уж плохо учился. В арифметике тебе даже счёты не были нужны, ты всё вычислял в уме. А учитель Цзя сказал, что ты занимаешься купеческим делом, и хотел наказать тебя розгами.

— Учитель Цзя — человек старой закалки, — улыбнулся Сюй Чунь. — Он желал мне добра. Это я был неразумен, не мог запомнить стихи, не делал уроки, да ещё и тайно забивал ему трубку и подменял табак... Он сильно сердился.

— Второй брат, теперь, когда ты поступил в Высшую школу, у тебя появился прекрасный шанс. Если найдёшь хорошего учителя и будешь усердно заниматься, обязательно добьёшься успеха. Учитель Цзя был слишком строг с тобой, постоянно наказывал розгами. Ты был ещё так мал... так было нельзя... Впредь учись как следует. А с теми своими дружками порви. Они не желают тебе добра, только и делают, что таскают тебя по злочным местам.

— Тот случай с упрёком от канцлера Ли... я потом расспросил домашних. Ты ведь пригласил всего несколько человек. Как слухи так быстро разлетелись? Наверняка это твои так называемые друзья распустили их ради смеха. К тому же, хоть наследник князя Шунь и обходителен с учёными и помогает слабым, сам князь — человек недостойный. Не стоит сближаться с его сыном. Им нужны только твои деньги. Связываться с императорским кланом — не к добру.

Сюй Гу, казалось, выпил лишнего. Слова, которые он так долго держал в себе, полились рекой. Он вспомнил, как маленького мальчика с нежной белой кожей били розгами докрасна, как тот плакал, и в его кошачьих глазах, полных слёз, он видел мольбу, обращённую к нему: «Брат...». А он тогда не заступился. Он считал, что у него украли титул, а тот, другой, — глупый счастливчик.

Но дни шли, книги читались, и чувство вины росло. С одной стороны — долг перед матерью и бабушкой, их надежды. С другой — его собственные низменные амбиции. И с третьей — доброта законной матери и наивность младшего брата. Годы этой внутренней борьбы оставили

на его сердце бесчисленные шрамы. Что есть сыновний долг, что — верность, что — благодарность, а что — стыд? Невыносимый груз вины наконец заставил его принять решение. Недавно он пошёл к бабушке и заявил, что больше не претендует на этот призрачный титул.

И как только он это сделал, с души словно упал камень. Он почувствовал облегчение. Уехать в провинцию, в глушь — что в этом плохого? Там он сможет построить свой мир. И вдали от столичных глаз сможет хоть как-то загладить вину перед матерью.

Он больше не мог сдерживаться.

— Тебе всего восемнадцать, ещё не поздно. В Высшей школе попроси матушку найти тебе хорошего учителя, помоложе, не такого консервативного. Он сможет постепенно тебя всему научить... А если что-то будет непонятно в учёбе, спрашивай у меня...

Он схватил Сюй Чуня за руку, и по его щекам покатались слёзы.

— Второй брат, исправься! Бабушка и матушка тебя балуют, но ты должен сам стоять на ногах!

— Спасибо, старший брат, за науку, — удивлённо улыбнулся Сюй Чунь.

Они давно отделились друг от друга, и хотя старший брат, казалось, изливал душу, у Сюй Чуня не было желания отвечать ему тем же.

Молодой князь дружит со мной из-за денег... Но разве другие не таковы? Он заводил друзей, платя за всё. Разве бывает иначе?

Сюй Чунь, по своей беззаботной натуре, не придавал этому значения. Он и так не был близок с братьями и сёстрами. Отделавшись несколькими вежливыми фразами, он покинул приём. Сидеть в резиденции ему было неважно. Он вернулся в квартал Бамбуковых Ветвей, немного почитал и с удовольствием достал записку, которую сегодня прислал Девятый братец.

«Поздравляю с поступлением в Высшую школу. Дарю тебе эту каллиграфическую надпись. Шэнь Мэнчжэнь — человек выдающихся знаний, учись у него усердно. Ты одарён от природы, и если приложишь старание, не будет такой науки, которую ты не смог бы постичь».

Сюй Чунь взглянул на уже повешенную в кабинете надпись, сделанную рукой Девятого братца: «Чистый голос птенца феникса». И та малая толика страха и нежелания учиться, что была в нём, улетучилась.

Поначалу он очень беспокоился. В Высшей школе правила были гораздо строже, и посылать кого-то вместо себя на занятия уже не получится. К тому же, там учились отпрыски императорского клана, которых легко было обидеть, а он был без власти и положения.

С одной стороны, его радовало, что Девятый братец сравнил его с птенцом феникса. С другой — он боялся, что не справится с учёбой. Он панически боялся учителей. А ещё он вспомнил, что после того визита Девятого братца исчез его альбом с рисунками. Наверняка Девятый братец забрал его. Но он ничего не сказал. Неизвестно, рассердился ли он на его нескромные мысли или просто счёл его неисправимым и решил проучить.

Спрашивать он не смел. Но каждый раз, просыпаясь посреди ночи и вспоминая об этом, он сгорал от стыда и досады, ворочаясь без сна.

Получив уведомление, на следующий день он отправился в Высшую школу. В этот раз из студентов академии отобрали двадцать пять человек. Кроме тех, кто был зачислен по праву наследования, было немало студентов, рекомендованных из провинций. Многие из них были из бедных семей и в Государевой академии держались незаметно. Хотя они и были прилежны, в академии, где учились в основном дети высокопоставленных чиновников и знати, их голоса не были слышны. Теперь же, благодаря экзамену, они попали в Высшую школу, что было для них огромной честью. На их лицах сияла радость.

Новоприбывших студентов разместили справа, а слева сидели прежние ученики Высшей школы — отпрыски императорского клана. Сюй Чунь, сев на своё место, украдкой огляделся. Он не знал, что его изящная внешность привлекает всеобщее внимание. Хотя он, как и все студенты Государевой академии, носил серебряный венец-тюрган и синий халат, отороченный лазурным шёлком, его кошачьи глаза, ясные и круглые, живо блестели, выделяя его из толпы.

В рядах учеников Высшей школы уже шёл тихий шёпот:

— Кто этот юноша с миндалевидными глазами и улыбающимися губами?

— Ты не знаешь? Тот самый, что за десять тысяч лянов серебра купил титул для матери, наследник резиденции князя Цзин. Говорят, недавно канцлер Ли Мэйя на приёме поставил его на место.

— Так это он. Вид у него благородный, слухи, похоже, лгут.

— Говорят, он распутный бездельник, красивая пустышка.

— Хех, красивая пустышка смогла бы ответить на те два вопроса? Из двадцати пяти человек из Государевой академии все ответили правильно.

— Слышал, его мать — из купеческой семьи. Наверняка у них это в крови, вот он и силён в торговле и счёте.

— Это были вопросы, составленные самим императором, тише! Не хочешь жить — меня не впутывай!

— Кстати... почему император задал такие вопросы? Я в тот день выучил кучу стихов, а в итоге сдал пустой лист. Отец потом заставил меня долго стоять на коленях и урезал жалованье вдвое.

— Говорят, император недоволен тем, что императорский клан слишком много тратит. Хочет заставить нас служить, а не сидеть на шее у государства.

— ...Не может быть.

— Ещё как может. Слышали, вдовствующая императрица уехала в родовой храм, и все сверхположенные выплаты ей отменили. Оставили только то, что положено по статусу. По сравнению с прежней роскошью, это просто унижение. Не знаю, что там у них опять стряслось.

— Нынешний государь холоден и твёрд... Вспомните, что было с князем Дуаньпином...

— Тсс, замолчи.

Сюй Чунь не слышал этих пересудов. Студенты Государевой академии сидели очень тихо и не переговаривались. Для них это был уникальный шанс, дарованный самим императором, — возможность учиться в Высшей школе. Преподаватели здесь были самыми учёными мужами, не говоря уже о будущих перспективах и должностях.

Он увидел Се Фэя. Тот действительно был лучшим среди отпрысков императорского клана. Ученики Высшей школы носили золотые венцы-тюрбаны и синие халаты, а у сыновей императорского клана халаты были расшиты золотыми драконами. Се Фэй сидел прямо, безупречно, его лицо было прекрасным. Почувствовав взгляд Сюй Чуня, он обернулся, слегка улыбнулся и поклонился.

Сюй Чунь ответил на приветствие, размышляя, почему и Девятый братец, и его старший брат так настороженно относятся к Се Фэю. Он выглядел как истинный благородный муж, подобный нефриту или бамбуку. Впрочем, до Девятого братца ему было далеко.

Вдруг раздался чистый звук цитры. Вошёл помощник преподавателя и объявил:

— Тишина, встречайте учителя.

Все встали. Вошёл Шэнь Мэнчжэнь. Он был в хорошем настроении, одетый в тёмно-синее официальное одеяние и увенчанный короной с балками. Войдя, он слегка поклонился — очевидно, из-за присутствия сыновей императорского клана — и сел за преподавательский стол. Его движения были плавными, полными достоинства и спокойствия.

В классе воцарилась тишина. Никто не знал, чего ожидать от нового ректора. Все знали, что он

из семьи потомственных учёных, обладает обширными знаниями, особенно в астрономии, и в будущем непременно войдёт в состав кабинета министров. Все знали, что император отправил его в Министерство ритуалов, чтобы умерить его пыл и усмирить гордыню. Прослужив там несколько лет, он был назначен на важный пост ректора Государевой академии. Говорили, в столице многие были недовольны, но ничего не могли поделать. Все знали, что нынешний император не меняет своих решений.

Прежним ректором был дед Се Фэя по материнской линии, Линь Вэньдуань, человек строгих правил, для которого ритуал был превыше всего. Теперь же он, якобы по болезни, ушёл в отставку. Но все знали, что ректора обычно выбирают из числа преподавателей по рекомендации предшественника. А Линь Вэньдуань, со своей прямоотой и консервативностью, никогда бы не порекомендовал на этот пост Шэнь Мэнчжэня, известного своим легкомыслием и вольнодумством.

Это было назначение императора. С тех пор как император, упразднив уделы, приказал всем князьям вернуться в столицу, а их сыновьям — учиться в Высшей школе, это было его первое прямое указание, касающееся академии.

Это невольно заставляло вспомнить о том, что нынешнему государю было уже под тридцать, а у него не было ни детей, ни наложниц. Но никто не смел произнести это вслух.

Шэнь Мэнчжэнь, однако, оставался верен себе — высокомерный и презирающий весь мир.

— Его Величество повелел мне наставлять вас, государи, — начал он. — Мы будем говорить и о мудром правлении пяти императоров и трёх властителей древности, и о заслугах и добродетелях великих советников. Ритуалы, музыка, наказания, управление — мы коснёмся всего. Ибо я надеюсь, что вы проявите себя и прославитесь на всю Поднебесную, став опорой трона. Отныне я буду читать вам курс «Расширенное толкование Великого учения».

Внизу послышался взволнованный гул. Это было не что иное, как прямое заявление: «Император приказал мне обучать вас искусству управления государством». «Расширенное толкование Великого учения» — это основа правления, фундамент знаний императора. Это была знаменитая наука для правителей.

Конечно, они и сами изучали эту книгу, но чтобы сам император назначил ректора Высшей школы для её преподавания — это имело глубокий смысл.

Все воодушевились, готовясь внимательно слушать, как этот легендарный учёный муж, господин Шэнь, будет вести занятия. Шэнь Мэнчжэнь же просто велел раздать ученикам материалы.

Сюй Чунь всегда был слаб в классических текстах, но, видя воодушевление окружающих, понял, что эта книга очень важна. Раз уж это «Расширенное толкование Великого учения», значит, она разъясняет «Великое учение».

Он вспомнил, что Девятый братец, после того как заставил его прочесть «Жизнеописания фаворитов-интриганов», начал его обучение именно с «Великого учения». Он не только разъяснил его, но и заставил переписывать и учить наизусть каждую фразу. Если бы не это, он бы сегодня ничего не понял.

Девятый братец... — Сюй Чунь коснулся мешочка с благовониями на поясе, достал одну пилюлю и положил в рот. Обычно на уроках по классике он засыпал. Девятый братец хотел, чтобы он учился. Сегодня его первый день в Высшей школе, он не мог снова ударить в грязь лицом. Не то чтобы он не мог учиться, просто не хотел, чтобы его презирали.

Пилюля растворилась во рту, и резкий, освежающий аромат ударил в нос, мгновенно прояснив сознание. Глаза его тут же наполнились слезами.

— Что он ест? — нахмурился Се И, стоявший за ширмой позади Шэнь Мэнчжэня.

— Должно быть, болюсы с борнеолом для бодрости и прояснения ума, — тихо ответил Люшунь, стоявший рядом. — Вещь неприятная. Я слышал от Дунхая, что наследник сам попросил их приготовить. Сказал, что хочет усердно заниматься и боится заснуть на уроках.

Брови Се И сошлись ещё плотнее.

— Пошли кого-нибудь к Дунхаю, пусть принесёт их, а лекари проверят.

— Слушаюсь, — тихо ответил Люшунь и незаметно удалился.

— Ваше Величество, разве у наследника нет искусного лекаря? — вмешался Су Хуай. — Цзысин говорил, что у него есть человек с очень чувствительным языком, боится, что его отравят. Семья Шэн позаботилась о его безопасности.

— Да, — кивнул Се И. — Семья Шэн всё продумала. Чунси — силён, всегда с оружием, наверняка владеет боевыми искусствами. Сячао — ловок и умеет распознавать яды, чтобы предотвратить отравление, к тому же быстр на ногу, видимо, для передачи сообщений.

— Цюху — сообразителен и умеет общаться с людьми. Я заметил, что, хотя он и говорит смиренно, взгляд у него острый, наверняка хорошо запоминает лица. Дунхай, само собой, — искусный лекарь, умеет оказывать первую помощь. Семья Шэн очень дорожит этим внуком.

— Тогда почему Ваше Величество беспокоится? — улыбнулся Су Хуай.

— Именно потому, что лекарь — самоучка, и ценит только эффективность, я и беспокоюсь, — ответил Се И. — В народных средствах для бодрости, если это просто борнеол, мята, горчица или стиракс, — это одно. Но боюсь, как бы туда не добавили орех бетель, опийный мак или даже «порошок пяти камней». Нужно быть осторожным.

— Ваше Величество, это вы от излишней заботы, — улыбнулся Су Хуай. — Раз уж семья Шэн смогла подобрать для наследника таких слуг, неужели они не позаботятся о том, что он ест?

Се И задумался и с ноткой самоиронии сказал:

— Этот ребёнок так прост и открыт, как чистая вода. И он, и его мать — люди добрые и честные. Поэтому всегда кажется, что они беззащитны.

— А мне кажется, — сказал Су Хуай, — что в Вашем Величестве в последнее время стало больше человеческого. Раньше вы были как святой, без единой эмоции, всё делали по правилам, и казалось, что вы вот-вот уйдёте.

Се И взглянул на него, но ничего не ответил.

Су Хуай с улыбкой замолчал и стал слушать урок.

Шэнь Мэнчжэнь, раздав материалы, сказал:

— Вы, государи, наверняка уже изучали «Расширенное толкование Великого учения» дома, поэтому я не буду разъяснять его слово в слово. Для начала пусть один из учеников Высшей школы попробует изложить первую главу. Кто желает? «Порядок правления императора».

В классе воцарилась тишина. Сюй Чунь изо всех сил старался смотреть в пол, боясь, что Шэнь Мэнчжэнь его заметит. Се И, глядя на серебряный цветок на его тёмной макушке, снова невольно улыбнулся.

К счастью, в этот момент встал Се Фэй.

— Ученик желает попробовать.

— Прекрасно, — улыбнулся Шэнь Мэнчжэнь. — Прошу.

Впереди уже был установлен отдельный столик, и теперь все поняли, для чего.

Се Фэй встал, подошёл к столику и, почти не глядя в текст, начал красноречиво излагать учение.

Сюй Чунь с облегчением вздохнул, выпрямился и стал внимательно слушать. К своему удивлению, он понял, что понимает, о чём идёт речь. Обрадовавшись, он взял кисть и начал записывать.

Се И посидел ещё немного и тихо ушёл.

Жизнь в Высшей школе была совсем другой. С тех пор как Сюй Чунь начал прилежно посещать занятия, даже Лю Шэн и другие стали реже его звать.

Он был так занят — после уроков нужно было делать домашнее задание, да и боялся, что учитель вызовет, — что даже письма Се И стал писать гораздо реже. Во-первых, он боялся, что Девятый братец сочтёт его невежественным. Во-вторых, Девятый братец, казалось, был очень занят. А те вопросы, что он задавал раньше, теперь, после лекций, он и сам стал понимать.

Особенно на уроках Шэнь Мэнчжэня, где большую часть времени ученики спорили друг с другом: один излагал свою точку зрения, а другие задавали вопросы, опровергали или дополняли.

И занятия в Высшей школе были гораздо свободнее. Учителя редко читали лекции, чаще предлагали для обсуждения какой-нибудь указ, судебное дело или реальную ситуацию в какой-нибудь области.

Шэнь Мэнчжэнь и его вызывал, но спрашивал в основном о практических вещах — налогах, перевозках, расчётах. Классическими текстами он его не мучил, очевидно, зная, что это не его сильная сторона.

Это давало ему чувство облегчения. И что особенно удивительно, в Высшей школе многие сами хотели с ним общаться. И не так, как раньше, когда бездельники ждали, что он за всё заплатит, а по-настоящему — обсуждали книги, технику рисования, покупку красок, плюсы и минусы налоговой системы. По крайней мере, внешне никто не выказывал презрения, и казалось, что они искренне хотят с ним дружить.

Он не знал, что раньше все считали его пошлым, вульгарным и распутным. А теперь, учась вместе, они видели, что он красив, прилежен и послушен, а не просто избалованный бездельник. И поняли, что слухи лгут. А пообщавшись поближе, обнаружили, что этот юный князь Сюй щедр, справедлив и приятен в общении — редкое качество среди золотой молодёжи. И друзей у него стало больше.

Его стали приглашать на литературные вечера и пиры. Зная, что он любит рисовать, звали и на выставки, и на встречи художников.

От многих приглашений было неудобно отказываться, и у него стало больше светских обязанностей. Письма Девятому братцу стали реже.

Чем больше он читал, тем острее осознавал собственное невежество. Вспоминая те простые вопросы, что он задавал раньше, он сгорал от стыда, чувствуя, что отнял у Девятого брата много времени.

Давно не видевшись, он снова стал испытывать перед ним благоговейный трепет. Чувство собственной неполноценности росло. Он думал, что Девятый братец, с его возвышенной натурой, наверняка с отвращением сжёг тот альбом с рисунками. А терпел его лишь из-за того, что тот спас ему жизнь, из вежливости. И то, что они стали реже видаться, было вполне естественно. А он, со своей навязчивостью, выглядел просто смешно.

Се И был занят весенними экзаменами и государственными делами и поначалу не обращал внимания. Но когда экзамены закончились, и сановники приступили к проверке работ, у него наконец появилось немного свободного времени. И он вдруг понял, что уже несколько дней не получал вопросов по учёбе.

Он позвал Су Хуая.

— В последние дни домашних заданий не приносили, — доложил тот. — Я спрашивал у Люшуня, он говорит, не видел. Под предлогом взять лекарство, он разузнал у Дунхая. Говорят, в Высшей школе много уроков, и наследник очень занят. К тому же, он познакомился со многими учениками, почти каждый день получает приглашения. Отказывать всем неудобно, а не отказывать — ещё хуже. Если пойдёшь к одному, а к другому нет, — обидишь. Вот он и занят.

Лицо Се И стало холоднее.

— Лекарство проверили?

— В императорской аптеке его проверяли несколько дней, — ответил Су Хуай. — Для надёжности Люшунь пошёл ещё за одной порцией. А наследник, решив, что это для Девятого господина, отдал и рецепт, и целую шкатулку готовых пилюль. В аптеке по рецепту приготовили свою партию, тщательно проверили. Убедились, что вреда нет и привыкания не вызывает. Хотите взглянуть на рецепт? Я смотрел, там в основном аир, лимонник, мята и другие травы для бодрости и улучшения памяти.

— Проверили — и хорошо, — сказал Се И, взглянув на небо. — Давно не было свободного времени, пойду прогуляюсь.

— Я позову господина Фан Цзысина, чтобы он вас сопровождал, — поспешил сказать Су Хуай.

— Он занят делами за пределами дворца, — отмахнулся Се И. — Не нужно поднимать шум. Я сам съезжу на коне к озеру за задним холмом и вернусь.

Услышав «к озеру за задним холмом», Су Хуай понял, что речь идёт о квартале Бамбуковых Ветвей. Он всё понял и пошёл распорядиться, чтобы императору приготовили одежду для выезда.

<http://bllate.org/book/16990/1587342>